

© Е. Е. Тихомирова, Цюй Чуньлэй

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.13)

УДК 821.161.1-3 + 008

ИДЕЯ СРЕДИННОСТИ В СИБИРСКОМ КУЛЬТУРНОМ ТЕКСТЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Е. Е. Тихомирова, (Новосибирск, Россия), Цюй Чуньлэй (Шаньдун, Китай)

В статье авторы обращаются к анализу культурной универсалии «срединность» и ее репрезентации в сибирском культурном тексте. Применение семиотического и аксиологического подходов к анализу материалов творчества сибирских писателей-областников, Г. Д. Гребеницкова, А. И. Макаровой-Мирской, миссионера протоиерея Василия Вербицкого дают возможность интерпретировать срединность в качестве нахождения третьего варианта между бинарными оппозициями. Подчеркивается, что в рассматриваемых текстах нейтрализация бинарных оппозиций в этике представляется невозможной в силу мировоззренческих особенностей авторов культурных текстов. Рассматриваются основные бинарные оппозиции, которые представляются как граница культурной нормы. Дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры является культурной нормой, которая последовательно представлена в произведениях середины XIX века – начала XX века и которая начинает деформироваться в различных вариантах к эпохе революций.

Ключевые слова: срединность, культурная универсалия, языковая универсалия, бинарные оппозиции, культурная норма, этика, сибирский культурный текст.

Проблема срединности, медиальности русской культуры является предметом пристального изучения в работах по философии и культурологии, уже ставших классическими, и по литературоведению, и находится на острие современных гуманитарных исследований [1, 6–9, 11]. Для формирования срединной культуры характерно появление культурных инноваций; новых смыслов, полученных в результате преодоления различий полюсов

дуальной оппозиции; поиска новой меры между смыслами полюсов посредством творческого наращивания нового содержания культуры. Все новое содержание культуры, новые смыслы формируются через формулирование молекул культуры, через срединность [1, с. 288]. В разных аспектах одни и те же центры семиосферы могут быть одновременно и активно действующими, и «принимающими», одни и те же пространства семиосферы могут

Тихомирова Елена Евгеньевна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и музеологии, Новосибирский государственный педагогический университет, докторант Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: imktikhomirova@mail.ru

Цюй Чуньлэй – студентка, Шаньдунский педагогический университет, КНР.

E-mail: 1169128487@qq.com

в одних отношениях быть центрами, в других – периферией, влечения провоцируют отталкивания, заимствования – самобытность [9, с. 275]. Для культурных (не только территориальных, но и смысловых) областей, *пограничных* между Западом и Востоком и как бы поневоле совмещающих поляризованные смыслы и ценности смежных с ними западных и восточных явлений, фреймы, воспроизводящие конструкцию «взамоупора», не просто типичны, но составляют «каркас» системы. В пограничных культурах резко контрастируют их взаимоисключающие тенденции: *открытость* и *закрытость*; *«всемирная отзывчивость»* и *национальный мессианизм, космополитизм* и *изоляциялизм*; *революционное новаторство* и *охранительность*; *динамизм* и *статичность* и т. д. Но не для того, чтобы окончательно отделиться друг от друга. Постоянное колебание между двумя полярными тенденциями является не только естественным, но иногда для подобного типа культур единственно возможным динамичным фактором их развития, а бифуркация становится в пограничных культурах не характеристикой того или иного кризисного состояния, а перманентным свойством всего исторического процесса, интериоризованным культурой на ментальном уровне [8, с. 209]. Промежуточное положение между Европой и Азией снимается концептом Россия – Евразия. Действие закона исключительного третьего не распространяется на зоны перехода, границы. Поэтому пограничность оказывается тем состоянием, которое маркирует Россию как срединное государство, первобытие которого – рубеж – застава между Востоком и Западом. П. Н. Савицкий, географ, историк, один из основоположников евразийского движения, пишет: «Срединность России является основой ее идентичности, она не часть Европы и не продолжение

Азии. Она самостоятельный мир, самостоятельная и особая духовно-историческая геополитическая реальность, и ее Савицкий называет Евразией. Савицкий заявил, что Россия имеет гораздо больше оснований, чем Китай, называется «срединным государством» [10, с. 152]. Срединность России он усматривал в нескольких аспектах. Прежде всего, мыслитель видел в России центр Старого Света: «Устраните этот центр, и все остальные его гости, вся эта система материковых окраин, превращается как бы в «рассыпанную Храмину». Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от «классической» Азии есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет еще явственней в будущем». Связующую и объединяющую роль срединного мира П. Н. Савицкий усматривал в посредничестве кочевников между мирами оседлых культур, разрозненными в своем исходном состоянии. Срединность, таким образом, понимается как посредничество: «... русский мир призван к объединяющей роли в пределах Старого Света» [10, с. 154].

Идея срединности культуры Сибири объединяет регионалистские и глобалистские тенденции. Выстраивается представление об особом типе человека – сибиряке, черты характера которого формируются под сильным влиянием русского национально самосознания, включая идеи христианства и мессианской идеи на фоне природно-географического детерминизма.

Такую культуру в Сибири как в пограничном регионе изучали русский географ, этнограф, публицист, фольклорист, ботаник, один из основателей сибирского областничества Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) и сибирский публицист, писатель и общественный деятель, исследователь Сибири и

Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества, первооткрыватель древнетюркских памятников на реке Орхон (столица Чингисхана Каракорума) и Орду-Балыка (столица Уйгурского каганата в Монголии) Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894). Областники пытались обосновать возможность зарождения сибирского регионализма, наметить его перспективы. Концепция культурной самобытности Сибири все же родилась в самой России. Во второй половине XIX в. благодаря деятельности интеллигенции, считавшей регион Сибири срединной территорией, сложилась культура со своим национальным содержанием. В XIX веке Сибирь, начав расцениваться как культурная пустыня, добавила к своему мифологизированному образу еще один оттенок. Идеологи областнического движения Г. Н. Потанин и П. М. Ядринцев, рассматривая Сибирь как срединную культуру и ставя проблему специфики Сибири как особого медиального пространства в Российской империи, закономерно должны были рассматривать культуру Сибири как типологически целостное явление. Демонстрируя знание ассоциирующихся с Сибирью текстов от летописей и исторических песен, посвященных Ермаку, до творчества полузабытых поэтов недавнего прошлого, давая авторам этих текстов меткие характеристики, «областники», по сути, конструировали культурные процессы Сибири в их целостности, устанавливая взаимосвязи между этапами становления истории культуры края.

В ситуации расшатывания границ культурной нормы, государственных устоев и культуры именно процессы в регионах представляются областникам наиболее продвинутыми. Процессы модернизации на окраинах империи не только выдвинут эти окраины и превратят их в центр, но и позволят им как локомотиву модернизировать и всю Россию. Так

возникает идея выдвижения Сибири как нового центра, дающего толчок подлинному национальному развитию, в том числе, аборигенным народам, независимого и неподчиняющегося российскому имперскому центру, ценности которого подверглись деформации под влиянием Запада. Вектор самостоятельного развития Сибири стал рассматриваться как иной путь развития культурных процессов во всей России.

Ландшафт маргинального пространства каторги, ссылки и проживания различного рода «коммунитас» с поражающими воображение лесами и реками (переправа через реку и углубление в лесную чащу – традиционные компоненты обряда инициации), с растягивающейся на полгода зимой и полярной ночью в северных районах оказался благодатной почвой для актуализации одной из наиболее архаичных культурных моделей. Уникальное взаимодействие геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни [11, с. 95].

Бинарная оппозиция Сибирь – Центр, напоминающая оппозицию *рая* и *царства антихриста*, отмеченная еще сибирским философом и историком А. П. Щаповым [13, с. 34], снимается созданием нового идеального культурного пространства просвещенных сибирских народов, созданного в книге А. Макаровой-Мирской (1872–1936), которая в своей философско-религиозной прозе, особенно в очерках «Апостолы Алтая», создает образ Алтая, сибирских миссионеров, местного населения, идущих путем Христа к возрождению души, богостроительству и строительству храма на земле и в душе.

Выдающийся алтайский миссионер протоиерей Василий Вербицкий соединял в себе черты ревностного проповедника Евангелия Христова и учёного-тюрколога. Немаловажна роль протоиерея В. Вербицкого и в распространении грамотности среди местного населения. Народы Алтая до прихода православных русских миссионеров не имели письменности. Поэтому наибольшая заслуга В. Вербицкого для алтайского языкознания заключается в подготовке им грамматики алтайского языка. В своих «Записках» он подробно излагает пути личного возрождения: «Случается, что новокрещенные вступают в брак с русскими девицами. Иногда это хорошо, а иногда для новокрещенных бывает очень вредно <...> Жена инородца Д. оставила его и в продолжении шести лет вела жизнь развратную. Вскоре по переселении моем в Калтан я узнал об этом супружеском зле: убеждал заблудшую, умолял, угрожал гневом Божиим и вечною погибелью; но и кроткия мои убеждения, и угрозы несколько времени были напрасны. Однако, несмотря на это, настояния мои не прекратились, и Господь, исправляющий стопы каждого смертного, неразумяющего путей своиху, взыскал заблудшую и послал мне утешение видеть, что она образумилась, и Д., доведенный чрез нее до разстройства по душе и по хозяйству, успокоился и по молитве в походной церкви и напутственном от меня благословении сего дня отправился вместе с женою своею в свой родной аил» [2, с. 128].

Каждый полюс бинарной оппозиции становится фокусом организованной культуры и одновременно субъектом, освоившим культурное содержание этого полюса. Это могут быть два субъекта, персонифицирующие эти полюса. Но каждый из них неизбежно осваивает оба полюса, и, следовательно, каждый субъект осуществляет свой синтез бинарной оппозиции в процессе внутреннего диалога

между полюсами. Мысль, как и деятельность в целом, движется через полюса оппозиции. Она является не только культурологической, но и психологической категорией и может переживаться через Страх человека перед одним из полюсов, страх Отпадения от другого полюса и одновременно через Тоску по Партиципации, тоску по другому полюсу, а также через Любовь [1, с. 247]. Примером такого переживания может стать творчество Георгия Дмитриевича Гребенщикова.

Жизненный путь Г. Д. Гребенщикова (1882(83) – 1964), одного из наиболее интересных писателей и культурных деятелей XX в., стал воплощением его жизненной концепции освоения культурного пространства, где движение всегда отмечено строительством человеческого духа, его языка, храма. Разнонаправленность движения в пространстве у Г. Д. Гребенщикова всегда была осознанной и сопрягалась с литературной, философской, жизне- и культуросозидающей деятельностью. Урожденный сибиряк, чья журналистская, редакционная, писательская деятельность в сибирских городах, тесное сотрудничество с областниками, под влияние которых он, несомненно попал привели к литературному паломничеству в Москву и Санкт-Петербург. Там в 1914 году вышел под редакцией Г. Д. Гребенщикова «Алтайский Альманах», который открывается этнографический очерком «Алтайская Русь», иллюстрации по просьбе Г. Д. Гребенщикова делал алтаец Г. И. Гуркин. На обложке изображен алтайский традиционный дом как символ единения своего, личного пространства с пространством макрокосмоса и символ их подобия. Получив поддержку классиков, в том числе, Л. Н. Толстого, Г. Д. Гребенщиков возвращается в Сибирь. Идея срединного жизненного пути, труда, созидания, преодоления протя-

женности пространства и неумолимости времени представляется писателю вообще преодолением экзистенциальной конечности человека: *«Я много раз пытался основать свой прочный скит <...> Когда мне было двадцать лет – я уже строил на Белачаге под Семипалатинском. Еще там мечтал о ряде скамеек под открытым небом: вот, мол, придут молодые пахари-соседи, а я им почитаю что-нибудь “о лучшей жизни”. Потом строил в Семитавских горах, на золотых приисках. Строил близ Усть-Каменогорска – шестигугольную юрту у родника. Молодой этнограф Алексей Белослюдов потом уплавил ее в Семипалатинск <...> Потом строил в Колыванском Заводе – есть чудесное такое место на Алтае <...>»* [3, с. 21–23].

После революции 1917 г. Г. Д. Гребенщиков эмигрировал сначала в Турция, потом во Францию, затем, по настоянию Н. Рериха, в США, штат Коннектикут. Мечтая о городе-саде, который бы проводником русской культуры в Америке он создал русский поселок Чураевка по подобию старообрядческих алтайских скитов и названный по имени героев своего романа-реки «Чураевы». Чураевка задумывалась как дом нового духа, новой жизни, новой культуры, которая должна соединить континенты и страны: через Сибирь – Россию и Америку. После того, как в Москве был разрушен Храм Христа Спасителя, он в Чураевке построил часовню, посвященную Сергию Радонежскому. Издательская, деятельность, развернутая издательством «Алатас» (Белый камень) под руководством Г. Д. Гребенщикова, действительно соединяла пространства, духовно обогащая русских эмигрантов, разбросанных по всему миру. Стремление ко всеединству и целостности определяет основной вектор деятельности издательства, его отделения рассказывают о России в

Харбине, Берлине, Тяньцзине и других городах мира. Литературный дом-издательство дает помощь в строительстве нового дома, земного, освоению нового культурного пространства и рассказывает о доме небесном.

Для Г. Д. Гребенщикова представление о срединности сибирской культуры вырастает из его личной биографии. Он, считая себя потомком кочевника, писал в своей биографии: *«...как оказывается, мой прадед был калмык, захваченный русскими охотниками в верховьях реки Биш вместе с целым табуном лошадей и в качестве пленника доставленный в Сузунский завод Кузнецкого уезда. Ему было тогда не более десяти лет, его взял какой-то добродетельный рудокоп, крестил, выучил языку, записал в сословие рудокопов, усыновил, а потом и женил на русской девушке. Фамилию нашу мой прадед получил, видимо, от своего приемного отца, а тот, по предположению деда, был сыном гребенщика, мастера гребней, пришедшего в Сибирь со староверами. Отсюда и моя длинная, царпающая фамилия»* [5, с. 7].

В издательстве «Алатас» вышли в свет книги Н. К. Рериха, К. Бальмонта, А. Ремизова, здесь же издавались и распространялись книги самого Г. Д. Гребенщикова: «Чураевы», «Былина о Микуле Буяновиче», «Гонец. Письма с Помпеяга», «Путь человеческий», вошедшие в цикл небольших произведений, написанных Г. Д. Гребенщиковым в Берлине в 1922 году.

А в 1918 году Г. Д. Гребенщиков жил в Киеве, Одессе, в августе 1920 г. выехал в Константинополь. Именно в середине 1918 г. в разбитом и заплыванном вагоне, движущемся в Киев, начинается действие в повести «Путь человеческий» [4]. Отставной русский полковник возвращается с первой мировой войны. Начинает свой путь домой в революционную Россию с потоком демобилизованных солдат

и офицеров. Верный слуга царя и отечества теперь лишен и того и другого. Революционные неурядицы сковали железные дороги, поэтому главный герой вынужден остановиться в Киеве. Уже первые эпизоды основаны на различной репрезентации концепта *путь*: географический вектор (вектор движения в Россию, как хранительницу духовности, идей православия, любви к ближнему) и вектор духовного нисхождения. Вокзал, находящийся между небом и землей, теперь становится пересечением этих векторов, центром древней столицы Руси, где когда-то была крещена Русь, а Подол, Днепр, киевские храмы в измененной системе координат смещаются на периферию. Субъектом революционного хаоса становятся *хмурые, бледные и не разговорчивые солдаты, вертлявый, как мышь, черненький врач, обтрепанные и грязных офицеры, без погон, и без гордости, в беспорядке смешавшихся на полу со своими мешками и узлами, серая масса кишела на полу*, и звучат люди уже по-звериному: *генерал крякал, масса заржала, молодой офицер, промышчал что-то спросонья* [4]. По сути, человек, как субъект культуры, теряет свои признаки, перестает адекватно действовать во времени и пространстве и превращается в объект воздействия независимых от него сил. Эта дуальность универсальных структурных компонентов языка и культуры (имя, являющееся субъектом и объектом при описании мира, и глагол, предназначенный для описания связей между субъектом и объектом) деформируется уже в самом начале повествования. Главный герой – Дмитрий Постоев – был потомственным священнослужителем, но по прихоти возлюбленной, которой нравится военная выправка, он идет в военное училище.

Временные координаты в рамках бинарных оппозиций в тексте последовательно чередуются: прошлое – настоящее – прошлое –

настоящее. Настоящее совпадает с прошлым и будущим, вечностью, когда герой видит центр Киева: *«А рядом с образами прошлого нарастало в сердце новое, большое и неуловимое, как синева небес:*

– Господи, Господи! Как Ты грозен и непостижим и как сладко вновь найти Тебя и, склонив колена, покориться воле Твоей» [4].

Возвращение в прошлое происходит в сказочных снах о дореволюционной России, в которых его возлюбленная *Клавдия стоит посреди травы почти до пояса и, протягивая к Дмитрию руки, кричит, как погибающая*, от чего просыпаются идиллические, библейские пастухи. Сказочное пространство и время между жизнью и смертью, бытием и небытием подчеркивается сказочными же сравнениями: *«А потом, спустя три месяца... несет их Змей-Горыныч – скорый поезд, – в Москву <...> телеграфные столбы смотрелись долговязыми старыми ведьмами, с тонкими и длинными косичками, связанными друг с дружкой от Тамбова до Москвы*. Время и пространство отцовского дома, дореволюционной жизни так необъятно, и велико, и непостижимо, что *терялась мысль в этих пространствах и не хватило бы жизни все изведать, всюду побывать, все прочесть, что написано на русском языке о русских былях и народах* [4]. И это пространство сужается до вокзала, потом съемной комнатки с мебелью, изъеденной жучками, как буферного мира. Персонаж возвращается из чужого мира и останавливается в срединном мире, в котором проходит обряд для перехода в новый неизвестный мир.

В мире хаоса со сказочным Змеем-Горынычем происходит тоже метаморфоза. Он обращается низменным обликом, разрастаясь в пространстве из червя-древоточца, источившего столик в гостинице, и голодного червячка, в змею, она *и тянет, пьет всю кровь и жжет, и холодит в одно и то же время, и от*

этого весь свет желтеет, а голову обносит. Чудовищно фантазмагорических размеров образ змеи (змея-искусителя) достигает в олицетворении очереди в кинематограф, *которая массой вползала в подъезд, и эти две живые ленты показались Постоеву, как никогда еще, бездушными и омерзительными, как змеи.* Сущность человека снижается до насекомого: *Это не люди, это гнус, паразиты, саранча! И всех их, всех паразитов, всех бездушных, бессмысленных и ядовитых необходимо истреблять. Истреблять!* [4]. И здесь ощущаются аллюзии на рассказ о казнях египетских, за которыми должен последовать исход, освобождение из плена египетского.

Однако киевская весна относит читателя ко времени, когда был сотворен мир, а Пасха, ко времени, когда мир был спасен жертвенным подвигом. И это освобождение, очищение происходит. Постоев, будучи синкретично вписан в макрокосмос, начинает вести себя, ощущать и думать в соответствии с его законами и нормами: «Сам же человек рожден, чтобы созерцать мир, размышлять и действовать в соответствии с этим. Он никоим образом не совершенен, он какая-то частица совершенного» [8]. После мучительных раздумий он приходит к выводу, *что революция – болезнь, эпидемия, такая же заразительная, как холера или тиф. И он, Постоев, где-то наглотался микробов революции, и весь организм его пропитан революцией, как есть содержание и смысл в силе огня, воды, бури и грозы, и стало быть революции нельзя не признавать: это сила, это стихия, это Божий промысл!* [4]. По словам П. Флоренского, «человек в мире; но человек так же сложен, как и мир. Мир – в человеке; но и мир так же сложен, как и человек <...> Человек есть сумма Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его» [12, с. 168.]. Поэтому

само священное место, киевские соборы и духовная работа, и работа телесная – движение к *пешком к Андрею Первозванному* приводит его к мысли, о том, что:

– *Ведь это же все вечное, непобедимое!*

– *Быть может в самом деле, все вот так, как он, Постоев, пройдут все стадии душевных мук и всем и все простят, откажутся от хищного корыстолюбия, признав раз и навсегда, что настоящая свобода, мир и братство в том лишь, чтобы вот так, как сейчас полковник Постоев, иметь молитвенную жажду и крест страдания в душе, и идти по своей дороге, никому не уступая своего пути и никого не боясь, потому что этот его путь – верный, прямой и светлый, потому что это путь к истинной любви и миру, путь Человеческий!* [4].

В постреволюционном обществе универсальные смыслы и бинарные оппозиции размываются, поэтому читатель обращается к образцовым текстам, вошедшим в сокровищницу мировой культуры, и актуально звучащим даже в эпоху беспорядка. Эти образцовые произведения связаны с Московским художественным академическим театром, Большим театром, поскольку имеют автобиографическую основу, а также с именем П. И. Чайковского и библейскими текстами.

Теперь путь к киевским храмам становится скорее паломничеством, утверждением «русскости». Не случайно это паломничество сопровождает музыка, творящая божественную гармонию, божественный порядок, которая обычно сопровождает сакральные акты. В итоге в срединном мире между Африкой и Европой на лодке в Черном море между берегами осталось пять людей. Они творят новый мир в себе и себя в мире с помощью вечного слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта. – М.: Философское общество, 1991. – Т. 1. – 319 с.
2. **Вербицкий В. И.** Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого. – Кемеровская и Новокузнецкая епархия; [рук. проекта иерей Виктор Соловей; ред.: Карышев К. Л.; сост.: прот. Игорь Кропочев]. – Новокузнецк: Сретение, 2008. – 368 с.
3. **Гребенщиков Г. Д.** Гонец. Письма с Полпирага. – М.: МАСТЕР–БАНК, БИСАН–ОАЗИС, 1996. – 215 с.
4. **Гребенщиков Г. Д.** Путь человеческий [электронный ресурс]. – URL: http://grebensh.narod.ru/human_path.htm (дата обращения: 18.02.2014).
5. **Гребенщиков Г. Д.** Из моей жизни. Странички автобиографии // Зарница. – 1925. – № 1. – С. 5–9.
6. **Давыдов А. П.** К вопросу о методологии социокультурного анализа через смысл «середины» // Модернизация отечественной системы управления: анализ тенденций и прогноз развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции и XII–XIII Дридзеvских чтений. – М.: ИС РАН, 2014. – С. 35–40.
7. **Давыдов А. П.** «Духовной жаждою томим». А. С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 243 с.
8. **Кондаков И. В.** Культура России: краткий очерк истории и теории. – изд.4-е. – М.: КДУ, 2008. – 357 с.
9. **Лотман Ю. М.** Семиосфера. Внутри мыслящих миров. – СПб: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
10. **Савицкий П. Н.** Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – 464 с.
11. **Тюпа В. И.** Анализ художественного текста: учебное пособие для вузов. – М.: Academia, 2006. – 336 с.
12. **Флоренский П. А.** У водоразделов мысли. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. – 184 с.
13. **Щапов А. П.** Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мире: Сочинения. В 3 т. – СПб, 1906. – Т. 1. – С. 33–46.

DOI: [10.15293/2226-3365.1406.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1406.13)

Tikhomirova Elena Evgenyevna, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor of the Department of the Theory, Cultural History and Museology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.; Doctoral Candidate, Russian State Humanitarian University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: imktikhomirova@mail.ru

Qu Chunlei, Student, Shandong Pedagogical University, Shandong, People's Republic of China.

E-mail: 1169128487@qq.com

IDEA OF THE MEDIAN IN THE SIBERIAN CULTURAL TEXT OF THE MIDDLE OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE XX CENTURY

Abstract

In article the authors addresses to the analysis of a cultural universal “median” and its representations in the Siberian cultural text. Application of semiotics and axiological approaches to the analysis of materials of works of the Siberian writers advocating regional identity Siberia, G. D. Grebenshchikov, A. I. Makarova-Mirskaya, the missionary archpriest Vasily Verbitsky give the chance to interpret a concept of the median as finding of the third option between binary oppositions. It is emphasized that in the considered texts neutralization of binary oppositions in ethics is represented impossible owing to world outlook features of authors of cultural texts. The main binary oppositions, which are represented as border of cultural norm, are considered. Duality of universal structural components of language and culture is cultural norm which is consistently presented in works of the middle of the XIX century – the beginnings of the XX century and which starts being deformed in various options by an era of revolutions.

Keywords

concept of the median, cultural universal, language universal, binary oppositions, cultural norm, ethics, Siberian cultural text.

REFERENCES

1. Akhiezer A. S. *Russia: a critique of historical experience*. Moscow: Philosophical society Publ., 1991, Vol. 1, 319 p. (In Russian)
2. Verbitsky V. I. *Note missionary Kuznetsky branch of the Altai spiritual mission of the priest Vasily Verbitsky*. Novokuznetsk, Sretenie Publ., 2008, 368 p. (In Russian)
3. Grebenshchikov D. *Messenger. Letters Paperage*. Moscow, MASTER-BANK Publ., BISAN-OASIS Publ., 1996, 215 p. (In Russian)
4. Grebenshchikov G. D. *The path of human*. Available at: http://grebensh.narod.ru/human_path.htm (accessed 18.02.2010). (In Russian)
5. Grebenshchikov G. D. The Year Of my life. Page autobiography. *Zarnitsa*. 1925, no. 1, pp. 5–9. (In Russian)

6. Davydov A. P. To the question of methodology of social and cultural analysis through the meaning of “middle”. *Modernization of the national system of management: trend analysis and forecast of development*. Materials scientific- conference. Moscow: IP RAS Publ., 2014, pp. 35–40. (In Russian)
7. Davydov A. P. “Spiritual thirst”. *A. S. Pushkin and the formation of the “middle culture” in Russia*. Novosibirsk, Siberian chronograph Publ., 2001, 243 p. (In Russian)
8. Kondakov I. V. *Russian Culture: a brief sketch of the history and theory*. Moscow, KDU Publ., 2008, 357 p. (In Russian)
9. Lotman Y. M. *Semi. Inside thinking worlds*. Saint Petersburg, Art–SPB Publ., 2000, 704 p. (In Russian)
10. Savitsky P. N. *The Continent of Eurasia*. Moscow, Agraph Publ., 1997, 464 p. (In Russian)
11. Tupa C. I. *Analysis of literary text*. The textbook for high schools. Moscow, Academia Publ., 2006, 336 p. (In Russian)
12. Florensky P. A. *The watersheds of thought*. Novosibirsk, Novosibirsk Publ., 1991, 184 p. (In Russian)
13. Shchapov A. P. *Mixture of Christianity with paganism and heresy in ancient folk tales of the world*. Saint Petersburg, 1906, Vol. 1, pp. 33–46. (In Russian)